

На правах рукописи

Мелехин Владимир Владимирович

**КУБАНЬ И ЧЕРНОМОРЬЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДНИЧЕСТВА
(1860-1890-е гг.)**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Краснодар – 2015

Работа выполнена на кафедре дореволюционной отечественной истории ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)
Матвеев Олег Владимирович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор, профессор профессор кафедры истории и музееведения ФГБОУ ВПО «Краснодарский государственный университет культуры и искусств», заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель главного редактора и научный редактор журнала «Культурная жизнь Юга России» (г. Краснодар)
Трёхбратов Борис Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и информационных систем Таганрогского филиала НОУ ВПО «Южный университет (Институт управления, бизнеса и права)» (г. Ростов-на-Дону)
Цымрина Татьяна Валерьевна

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится «19» июня 2015 г. в 13 часов на заседании Диссертационного совета Д 21.101.03 в Кубанском государственном университете по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета, а с электронной версией текста автореферата также на официальном сайте Кубанского госуниверситета <http://www.kubsu.ru> и на сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <http://vak2.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « » мая 2015 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

П.П. Матющенко

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Проблема истории народничества в России считается одной из самых многострадальных, острых и сложных в отечественной исторической науке. Развитие революционного движения в России, бывшее некогда одной из основных тем исторической науки советского периода, в настоящее время потеряло свое былое значение и отошло на второй план. Под влиянием политической и идейной конъюнктуры идет переоценка исторического прошлого России с зачастую безусловным осуждением революционного движения, тенденцией замалчивания недостатков монархического режима и продвижением державно-охранительной мифологии. В современном обществе все чаще, под влиянием средств массовой информации, а так же конформистских работ некоторых историков и писателей, высказывается мнение об участниках освободительного движения XIX в., как об идейных учителях, непосредственных виновниках революционного насилия и тех трагических социально-политических изменений, которые в конечном итоге привели к формированию тоталитарного режима в нашей стране в XX веке.

«Характер общественного движения XIX – начала XX вв. и оценка его роли в истории» в настоящее время включены в перечень «трудных вопросов истории»¹, что уже на государственном уровне делает изучение его отдельных моментов, таких как народническое движение - ставшее смыслообразующим началом всей русской культуры второй половины XIX –начала XX вв.² – важным и актуальным. Прошлое все еще является ареной идеологических баталий, где народничество рассматривается зачастую в узком плане, ассоциируясь с маргиналами-нигилистами, «красным террором» и убийством «царя-освободителя» Александра II, хотя феномен его многогранен. Народническая идеология и народническое движение, шедшее в авангарде освободительного движения России в 60-80-х гг. XIX в, были существенным фактором в системе взаимодействия общественно-политических сил России второй половины XIX – начала XX вв.: одновременно народничество являлось и особым типом мышления молодой российской интеллигенции с ее идеей «долга перед народом», и субкультурой значительной части молодежи, и набором оригинальных философско-экономических решений острых проблем пореформенной России. В этой связи восстановление исторической правды и объективной оценки места, роли и нравственных ориентиров народничества идет в неразрывной связи с исследованиями деятельности народников в различных регионах страны, дающими возможность дополнить общую картину событий.

После крушения советской системы государственного социализма и реставрации капиталистических отношений в России, в условиях ломки прежней

¹ Общественное обсуждение Историко-культурного стандарта. Примерный перечень «трудных вопросов истории». URL: http://минобрнауки.рф/документы/3483/файл/2327/13.07.01-Перечень_трудных_вопросов.pdf (дата обращения: 23.12. 2013.).

² Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М., 2008. С. 105.

социальной иерархии и возникшего идеологического вакуума, изучение особенностей пореформенного времени России XIX в. приобретает особое значение, помогая, опираясь на опыт предыдущей эпохи, найти в современности оптимальные варианты решений острых общественных и социально-экономических проблем, стоящих перед обществом.

Глобализационные процессы и возникающие движения противодействия неолиберальной модели капитализма в современном мире, связанные с поиском новых путей и воплощений социалистического идеала в реальности, так же оставляют актуальным процесс изучения истории русского народничества – первого массового общественного движения в истории России. Осмысление особенностей развития российской социально-революционной мысли и соотнесение ее с нынешней реальностью стимулирует попытки поиска ответов на злободневные вопросы современности, заставляет задуматься о характерных представлениях прошлых теорий становления общества социальной справедливости и о дальнейшей судьбе социалистического (коммунистического) учения в мире.

Объектом исследования являются народническое движение в Российской империи 1860-х – 1890-х гг.

Предметом исследования данной диссертации является вовлеченность населения Кубанской области и Черноморья в идейную и практическую деятельность народнического движения.

Хронологические рамки, следуя советской (ленинской) периодизации, охватывают разночинский этап освободительного движения в России (1860-1895 гг.)³. Соответствуя современной периодизации, это период деятельности в России так называемого «раннего» народничества 1860-х гг. и классического народничества 1870 – 1890-х гг.⁴

Территориальные рамки исследования ограничены пределами Кубанской области и Черноморского округа (с 1896 г. – губернии) в границах, сложившихся ко второй половине XIX в. Кроме того, в орбиту исследования входят районы, переданные в различное время в состав современного Краснодарского края из соседних регионов, а так же крупные города Российской империи, в революционном движении которых кубанцы проявили себя наиболее ярко.

Степень научной разработанности темы исследования. История народнического движения на территории Кубани не нашло достойного отражения в отечественной историографии. В настоящее время выделяют три основных этапа историографии народничества в России – дореволюционный, советский и современный.

В дореволюционное время в отечественной историографии сложились четыре основных концептуальных направления, противостоящие друг другу: официально-охранительное, народническое, либеральное и марксистское⁵.

³ Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

⁴ Народники в истории России: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Г.Н. Мокшин Воронеж. 2013. . Вып. 1. С. 5.

⁵ Тюкачев Н.А. Отечественная историография революционного народнического движения 1860-1880-х годов: становление и эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2013. С. 13-19.

Первым по времени возникает официально-охранительное направление, основу которого составили сочинения жандармских чинов и консервативных историков⁶, которое закономерно давало резко отрицательную оценку целям и деятельности народников. Как ответ одновременно с ним возникает народническое направление в историографии, ядром которого становятся работы революционеров-эмигрантов П.Л. Лаврова и С.М. Степняка-Кравчинского⁷, подчеркивавшие самоотдачу, героизм и чистоту стремлений революционеров-народников 70-80-х гг. XIX в.

Заметный вклад в дореволюционную историографию внесли представители либерального направления⁸. Моральные оценки движения представителей либерального направления схожи со взглядами представителей народнического направления в историографии, но в оценках революционной мотивации они резко разошлись: представителями либерального течения утверждалось, что переход народников от мирной пропаганды своих прогрессивных идей к более радикальным революционным действиям был спровоцирован необоснованной реакцией царских властей, приведшей к аресту и начавшейся преследование инакомыслия.

Эта точка зрения оспаривалась представителями марксистского направления, занявшего впоследствии господствующее положение в советской историографии народничества. Марксистская концепция, стоявшая на фундаменте воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса, фактически была заложена основоположником русской социал-демократии Г.В. Плехановым: в своих работах первой половины 80-х гг. XIX в. «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.), он вскрывал утопизм воззрений народников о возможности миновать капиталистическую стадию развития, их «почвенничество» - обоснование особого исторического пути России и особой роли русской интеллигенции (идея «героя и толпы»)⁹. В своем законченном виде марксистское понимание народничества нашло отражение в работах В.И. Ленина, в целом разделявшего точку зрения Г.В. Плеханова и определявшего народничество как идеологию (систему взглядов) крестьянской демократии в России¹⁰. Говоря о преемственности взглядов революционеров-шестидесятников и отдавая дань уважения народникам-«семидесятникам» и героям-народовольцам,

⁶ Мальшинский А.П. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880; Хроника социалистического движения в России 1878-1887. Официальный отчет / Под ред. Н.Н. Шебеко. М., 1906; Татищев С.С. История социально-революционного движения в России. СПб., 1882.

⁷ Степняк С. Подпольная Россия. СПб., 1906; Лавров П.Л. Народники-пропагандисты 1873-1878 годов. Л., 1925.

⁸ Тун А. История революционного движения в России / Под ред. и с прим. Л.Э. Шишко. Пг., 1917. Кульчицкий Л. История русского революционного движения: в 2 т. СПб., 1908; Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II. (1855-1881): исторические очерки. М., 1909; Барриве Л.Е. Освободительное движение в царствование Александра II: исторические очерки. М., 1911; Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861-1881): исторические очерки. СПб., 1913; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912; Его же. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.

⁹ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Сочинения : в 24 т. М.-Пг., 1923. Т. 2. С. 27-91; Его же. Наши разногласия // Там же. С. 91-404.

¹⁰ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр.соч. Т. 1. С. 125-346; Его же. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) // Там же. С. 347-534.; Его же. От какого наследства мы отказываемся? // Там же. Т. 2. С. 505-550; Его же. О народничестве // Там же. Т. 22. С.304-309.

В.И. Ленин весь гнев обрушил на эпигонов народничества – либеральных народников 1880-90-х гг., через критику которых прослеживалась и общее критическое отношение к движению марксистами.

После революции 1917 г. изучение проблемы народничества стало опираться на марксистско-ленинские оценки, хотя некоторое время параллельно продолжала существовать и народническая концепция. Современные исследователи делят советскую историографию народничества на три периода¹¹: с 1917 г. до середины 1930-х годов; со второй половины 1930-х до середины 1950-х; со второй половины 1950-х до начала 1990-х годов, т. е. до распада СССР.

В первый период кроме роста интереса к истории освободительного движения, значительно расширилась и источниковая база: был открыт доступ к государственным архивам, публиковались документы и воспоминания бывших участников освободительного движения. В это же время зарождается и историография народнического движения на Кубани и в Черноморье: в 1920-е гг. сподвижником М. Покровского профессором социально-исторического факультета Кубанского университета М.Н. Ковалевским на курсах подготовки партийных и советских работников в Краснодаре уже читался курс «Предпосылки русской революции», в котором важное место отводилось народничеству¹²; к этому же времени относятся и опубликованные в «Известиях общества любителей изучения Кубанского края» (ОЛИКК) первые свидетельства кубанцев-участников народнического движения 70-80-х гг. XIX в.¹³

Весомый вклад в дело изучения революционного (в том числе народнического) движения на Кубани вносило «Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев», имевшее в 1920-х гг. среди своих 50 отделений и отделение в Краснодаре; биографии некоторых его членов и их товарищей по борьбе, как уроженцев Кубанской области, так и народников, участвовавших в революционном движении региона, вошли в издававшийся Обществом (в силу политических причин оставшийся незавершенным) Библиографический словарь «Деятели революционного движения в России»¹⁴, который для рассматриваемой темы является неоценимым источником информации.

К концу 1920-х гг. в связи с 50-летием образования партии «Народная Воля» разгорелась дискуссия о сущности и роли народнической идеологии, в результате которой еще раз была подтверждена верность ленинских оценок движения, как идеологии крестьянского социализма, отстаивавшей

¹¹ Троицкий Н.А. Русское революционное народничество 1870-х гг. История темы: пособие к спецкурсу для студентов ист. фак. Саратов, 2002; Зеленин Ю.А. Советская историография классического народничества. : дисс. . канд. ист. наук.: 07.00.09. Барнаул, 2009.

¹² Матвеев О.В. К вопросу о региональных особенностях изучения революционного движения на юге России. Народническая проблематика в Кубанском государственном университете // Юг России: реформы, революции, поиски гражданского мира (памяти П.А. Столыпина): материалы регионал. науч. конф. / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2011. С. 216.

¹³ Скидан В.В. Лев Николаевич Гартман на Кубани // Известия общества любителей изучения Кубанского края. Краснодар. 1924. Вып. 8. С. 119-122; Хлебников С.И. И. Ульянов и кубанское землячество (1886-1887 гг.) // Там же. С. 123-127.

¹⁴ Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: В 5 т. М., 1927-1934 (далее – ДРДР).

мелкобуржуазные интересы последнего. Одновременно были отмечены попытки провести генеалогическую связь и указать на влияние «революционного наследства» народовольцев на тактику большевиков¹⁵.

Дискуссия о «Народной Воле» 1929-1931 гг. стала переломным моментом в советской историографии первого периода. Если до середины 1930-х гг. публикация источников и историография народничества развивалась довольно удовлетворительно, то на втором этапе она вступила в стадию кризиса. После убийства в 1934 г. в Ленинграде С.М. Кирова, И.В. Сталин дал резкую оценку деятельности народников и партии «Народная воля» и на два десятилетия изучение народничества замерло: были свернуто издание очередных томов Биобиблиографического словаря, многотомных сочинений идеологов народничества и закрыт печатный орган Общества политкаторжан – журнал «Каторга и ссылка», а в 1935 г. было ликвидировано и само «Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев». Исследования по народнической проблематике, ознаменовавшие собой третий этап советской историографии, возобновились лишь после XX съезда партии, осудившего идеологическое наследие И.В. Сталина. С возобновлением исследований по истории разночинского периода освободительного движения в России связаны прошедшие в 1957-1966 гг. в Институте истории Академии наук СССР и на страницах научных журналов дискуссии, призванные преодолеть догматические установки минувшего периода¹⁶.

Несмотря на идеологическое давление, исследователями обоих направлений было опубликовано большое количество монографий и научных статей, внесших весомый вклад в дело изучения народнического движения в России и охватывающих как отдельные периоды его истории («хождение в народ»¹⁷, история партий «Земля и Воля»¹⁸ и «Народная Воля»¹⁹) так и историю развития народнического движения в целом²⁰; опубликован ряд ценных документов.

Дискуссия в центре способствовала активизации изучения разночинского этапа освободительного движения в регионах, в том числе и на Северном Кавказе. Определяющими для рассматриваемой темы стали работы известного северокавказского исследователя Василия Павловича Крикунова: одной из первых научных работ затрагивающих народническое движение на Кубани

¹⁵ Теодорович И.А. Историческое значение партии «Народная воля». // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 17-33. Дискуссия о Народной Воле. М., 1930; Покровский М.Н. По поводу юбилея «Народной Воли» // Историк-марксист. 1929. Т. 15. С. 74-85.

¹⁶ Захарина В.Ф. Теоретическая конференция по народничеству // История СССР. 1960. №1. С. 260-266; Вандалковская М.Г., Колесниченко Д.А. Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения // История СССР. 1966. № 4. С. 107-134.

¹⁷ Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965; Гинев В.Н. Народническое движение в Среднем Поволжье в 70-е гг. XIX в. М., 1966; Филиппов Р. В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863–1874). Петрозаводск. 1967.

¹⁸ Ткаченко П. С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М., 1961; Филиппов Р.В. К оценке программных основ «Земли и воли» 70-х гг. XIX в. // Вопросы истории. 1982. №5. С. 18-30.

¹⁹ Волк С.С. «Народная воля» (1879–1882). М.;Л., 1966; Седов М. Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966; Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1891). Саратов. 1971.

²⁰ Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. М., 1958. С. 293, 308. Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969.

является его работа «Революционные разночинцы на Северном Кавказе» (1958 г.)²¹. В ней автор, рассматривая разночинское движение в Ставропольской губернии, Кубанской, Терской областях, впервые привел ряд фамилий народников действовавших в Кубанской области в 1860-70-гг., факты агитации и существования народнических кружков. В следующем десятилетии он продолжил свои исследования, которые все чаще стали напрямую касаться истории революционного движения на Кубани²². В 1963 г. вышла вторая по значимости для рассматриваемой темы работа «А.И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа»²³. В ней впервые комплексно была рассмотрена деятельность петербургского «Землячества донцов и кубанцев» в 1880 гг., его связь и сотрудничество с «Террористической фракцией «Народной Воли» А. Ульянова и кубанским народовольческим подпольем, а так же история формирования в столице «Благоевской группы» и участия в ее деятельности студентов-кубанцев.

Стоит заметить, что в советское время цели комплексно изучить развитие народнического движения на территории края никогда не ставилось, и все местные исследования проводились в рамках кратких очерков и статей, знакомящих читателя с предысторией пролетарского периода освободительного движения в регионе. В таком формате информация о деятельности народников на территории Кубанской области и Черноморья со второй половины 1960-х гг. начинает появляться на страницах краевой исторической литературы, хотя отдельные попытки изложения некоторых эпизодов (с большими неточностями) предпринимались и ранее²⁴. Первой попыткой изложить историю народничества на Кубани стало написание короткой главы в вышедшем в 1966 г. первом издании «Очерков истории Краснодарской организации КПСС», содержавшей отрывочные факты проявления деятельности народников в Кубанской области в 70-80 гг. XIX в.²⁵. Чуть позже, продолжая тему участия кубанцев в «Деле Второго 1-го марта», кубанскими историками А.А. Пунчиком и Н.Ф. Юркиным была опубликована статья, в которой, опираясь на исследования В.П. Крикунова, более конкретно рассматривалось участие кубанцев в покушении на императора Александра III²⁶.

В 1970-е гг. изучение развития революционного движения на территории края приобрело новое развитие, шагом вперед стала публикация ряда архивных материалов из хранилищ Государственного архива Краснодарского края, касающихся народнического движения 1880-х гг. на территории Кубани²⁷. В 1976 г. выходит второе издание «Очерков истории Краснодарской организации

²¹ Крикунов В.П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик. 1958.

²² Его же. Из истории рабочего движения в России в 80-е годы XIX в. «Социалистическая слесарная мастерская» в Екатеринодаре // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 4. С. 53-66.

²³ Его же. А.И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик. 1963.

²⁴ Семанов С.Н. Революционный студенческий кружок кубанцев и донцов в Петербурге // Кубань. Краснодар. 1959. № 22. С. 43-45.

²⁵ Очерки истории Краснодарской организации КПСС/ Ред.-состав. А.С. Коновалов. Краснодар. 1966. С. 17-19.

²⁶ Пунчик А.А., Юркин Н.Ф. Александр Ульянов и кубанцы // Вопросы исторической науки. Краснодар. 1969. С. 225-235.

²⁷ Хрестоматия по истории Кубани. Документы и материалы: в 2 ч. / Под общ. ред. В.П. Малышева. Краснодар. 1975. Ч.1. С. 170-178.

КПСС», где раздел посвященный народничеству, с привлечением наработок прошедшего десятилетия, был существенно дополнен, но по прежнему занимал подчиненное положение в связи с описанием зарождения и деятельности социал-демократических организаций Кубани и Черноморья²⁸. С этого же времени начинают появляться публицистические работы историков, посвященные наиболее ярким личностям в истории народнического движения Кубани²⁹.

Информация по истории народничества на Кубани, содержащаяся в этих немногочисленных работах, для советского периода стала базовой: в издававшихся учебных пособиях, краеведческих очерках и т. п. она, без существенных дополнений, пересказывалась в довольно сжатой форме³⁰. Эта тенденция продолжилась в постсоветское время³¹, но были и редкие исключения: так, определенный вклад в изучение народничества внесли работы Б.А. Трехбрата³², который занял лидирующее место в сфере изучения данной проблемы в крае – информация из них вошла в большинство изданий современной краеведческой учебной литературы, словари и энциклопедии³³. Отдельной темой, в определенной степени способствовавшей развитию изучения истории народничества на Кубани, стала личность Федора Андреевича Щербины. Для историографии исследуемой темы важным оказалось то, что благодаря более внимательному отношению к мемуарам Ф.А. Щербины, хранящихся в краевом архиве г. Краснодара (в настоящее время частично опубликованными), широкую

²⁸ Очерки истории Краснодарской организации КПСС. 2-е изд., доп. / Ред.-состав. А.С. Коновалов. Краснодар. 1976. С. 12-16.

²⁹ См. например: Недосекин В. Кубанский корреспондент Герцена // Советская Кубань. 1977. 3 февр.; Юркин Н.Ф. За волю народную // Комсомолец Кубани. 1987. 20 мая; Веленгурин Н.Ф. Писатель и путешественник Н.И. Воронов на Кубани // Вольная Кубань. 1993. 17 июня

³⁰ Наш край на уроках истории. Пособие для учителей истории 7-10 классов школ Краснодарского края / Н.В. Анфимов, И.В. Жерноклев, В.А. Кусый и др. 2-е изд., доп. Краснодар. 1973. С. 46-48; История родного края: Учебное пособие для 7-8 классов / Н.В. Анфимов, Н.Ф. Юркин, В.А. Кусый; науч. ред. В.Н. Черников. Краснодар. 1976. С. 38-41; Недосекин В.И. Черноморья: Проблемы социально-экономической структуры (1792-1860 гг.): учебное пособие. Краснодар. 1980. С. 54-59; Наш край на уроках истории: пособие для учителей истории 7-10 классов школ Краснодарского края / Н.В. Анфимов, Н.Ф. Юркин, В.А. Кусый и др; науч. ред. П.Я. Угринович. Краснодар. 1984. С. 50-53.

³¹ Авраменко А.М. Классовая борьба и революционное движение в Кубанской области и Черноморской губернии // По страницам истории Кубани: краеведческие очерки / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар. 1993. С. 151-153; Ратушняк В.Н. История Кубани с древнейших времен до конца XIX в: учебник для 10-х классов общеобразовательных учреждений. Краснодар. 2000. С. 206-208; Матвеев О.В. Участие кубанцев в общественном движении и событиях на Балканах // История Кубани с древнейших времен до конца XX века: учебник для высших учебных заведений / Рук. авт. коллектива В.Е. Щетнев. Краснодар. 2004. С. 120-122.

³² Трехбратов, Б.А. Малоизвестные страницы биографии Ф.А. Щербины // Кубанский краевед-89. Краснодар. 1989. С. 53-74; Его же. Семидесятник (Историко-биографический очерк кубанского народника Г.А. Попко). Краснодар. 1991; Его же.. Кубанцы в российском народническом движении 70-х годов XIX в. // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска: материалы научно-просветительской конф.. Армавир. 1996. С. 48-50. Его же. Кубанцы в российском общественном движении второй половины XIX века // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Краснодар. 1999. Вып. 1. С. 65-82.

³³ Энциклопедический словарь по истории Кубани: с древнейших времен до октября 1917 года / Под ред. Б.А. Трехбрата. Краснодар. 1997; Трехбратов Б.А. Новая история Кубани (90-е годы XVIII – 1900 г.): учебник для учащихся 8-х классов общеобразовательных школ. Краснодар. 2001. С. 187-209; Трехбратов Б.А., Бодяев Ю.М. История Кубани (конец XVIII-XIX век): учебник для 8 классов общеобразовательных учреждений. Краснодар. 2007. с. 115-126; Кубановедение: учебное пособие для 8 классов общеобразовательных учреждений / Б.А. Трехбратов, Ю.М. Бодяев, С.А. Лукьянов, Р.М. Гриценко. Краснодар. 2011. С. 81-85; Трехбратов Б. А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века: учебное пособие по краеведению. 2-е изд. Краснодар. 2003. С. 298-323; Екатеринодар – Краснодар 1793-2009: Историческая энциклопедия / Авт.-сост. Б.А. Трехбратов, В.А. Жадан. Краснодар. 2009.

известность получили такие эпизоды революционно-пропагандистской деятельности кубанских народников, как «бриньковская артель» ставропольских семинаристов и деятельность одесского кружка «башенцев»³⁴.

Переоценка прежних взглядов на историю освободительного движения в России и отдельных его представителей стала отличительной чертой всей постсоветской исторической науки. Современная историография проблемы народничества складывается в борьбе двух ее направлений. Первое направление характеризуется негативными оценками революционного движения в целом и его народнического этапа в частности, где внимание авторов в большинстве случаев сконцентрировано на народовольческом терроре и примерах наиболее мрачных сторон движения³⁵. Этому направлению в историографии противостоит другое, стоящее на позициях исследователей советского времени. Его сторонники во главе Н.А. Троицким, видят в народниках 70-80-х гг. XIX в. героев – борцов «против царского самовластия, против социального, политического, экономического, духовного и национального гнета», стремившихся «утвердить в России свободу, равенство, демократию, совокупным и высшим проявлением которых они считали социализм», внесших «выдающийся вклад в русское освободительное движение, придав ему небывалые ранее энергию, размах, организованность и силу». Соглашаясь, что «на практике революционеры-народники не всегда находили рациональные средства борьбы», они подчеркивают, что «эти средства не выбирались по доброй воле народников, а были навязаны им силою обстоятельств»³⁶, проводя тезис: если правительство отвечает на слово силой, оно может вызвать ответное насилие со стороны оппозиции³⁷. Кроме противостояния двух указанных направлений, новым для историографии истории народничества стал выход ряда работ, посвященных ранее практически не исследовавшейся истории либерального народничества и по-новому интерпретирующих некоторые этапы истории народнического движения³⁸.

Стоит сказать и об иностранной историографии народничества. Вышеперечисленные направления отечественной историографии нашли своих последователей и за рубежом: негативные оценки русского освободительного движения, в том числе народничества как движения молодой российской

³⁴ См. например: Галутво, Л.М. Общественно-политическая деятельность Ф.А. Щербины (1849-1936 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар. 1993; Трехбратов Б.А. «Башенцы»: кубанцы в народническом кружке Одессы // Вольная Кубань. 1993. 7 августа;

³⁵ Левандовский А.А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С.48-56; Лурье С.Ф. Созидатель разрушения. М., 2001; Кан Г.С. Народная воля: идеология и лидеры. М., 1997; Боханов А.Н. Император Александр III. М., 2001.

³⁶ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов. 2002. С. 347, 349.

³⁷ Цымрина Т.В. Софья Перовская. Политический портрет. Таганрог. 2006. С. 6.

³⁸ Балувев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX - XX веков. М., 1995; Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997; Мокшин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010; Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 5-19; Калинин С.В. Группа «Черный передел» и проблема федерализма в движении революционного народничества в 70-80-х годах XIX века.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1999; Цымрина Т.В. «Народная воля» после 1-го марта 1881 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д, 2000; Колокольцев М.Г. Раннее народничество в России (1860-е гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2004.

интеллигенции, идеологически ставшего предтечей большевистской диктатуры,³⁹ сочетались в нем с достаточно взвешенными и беспристрастными работами демократического характера⁴⁰.

Цель работы: исследовать развитие народнического движения на территории Кубани и Черноморья в 60-90-х гг. XIX и определить его влияние для истории края.

Задачи исследования: 1) изучить идейные предпосылки и основания проявлений народнического движения на территории Кубани и Черноморья во второй половине XIX в.; 2) исследовать формы пропагандистской работы среди населения края в 60-е гг. XIX в., проводимой участниками революционных организаций - «Земля и Воля», нечаевской организацией («Народная расправа»); 3) определить место и роль «Бриньковской артели» ставропольских семинаристов в истории развития народнического движения на Кубани; 4) осветить ход освободительного движения эпохи «хождения в народ» на территории региона, выявить его характерные особенности; 5) выявить формы участия учащейся молодежи Кубани в революционно-народническом движении на территории области; 6) показать значение революционной деятельности студентов-кубанцев за пределами области в деле пропаганды и террористической борьбы на Юге России; 7) рассмотреть процесс нарастания народофильской пропаганды в Кубанской области и историю ее развития в областном центре; 8) определить значение г. Ейска в контексте развития провинциальных народнических групп; 9) исследовать характерные особенности формирования провинциальных народофильских групп внутри области, их состав и основные моменты деятельности; 10) определить роль кубанского студенческого землячества в нарастании революционного движения в молодежной среде во второй половине 80-х гг. XIX в.; 11) выявить формы участия в общественной жизни и роль в развитии культуры в крае бывших революционеров-народников.

Методологическая база исследования основывается на основных принципах исторической науки: принципе историзма, предполагающего рассмотрение событий на основе хронологической последовательности и дающего рассмотреть изучаемое явление с учетом изменения исторической обстановки; принципе объективности, выражающегося в непредвзятом анализе рассматриваемых событий; принципе системности, предполагающем трактовку всех явлений как внутренне связанных компонентов целостной системы.

В качестве теоретико-методологической концепции исследования послужила теория догоняющей модернизации. Исходя из нее, Россия развивалась по тем же направлениям, что и Запад, но с опозданием. Ее модернизация явилась ответом на вызов западноевропейской цивилизации и носила догоняющий характер, что нарушало «естественность и органичность социального развития. Темпы перехода к модернизму опережали возможности и готовность широких

³⁹ Pares B. *Russia: between Reform and Revolution*. N. Y., 1962; Hingley R. *Nihilists. Russian radicals and revolutionaries at the Reign of the Alexander II*. N. Y., 1958; Pipes R. *Narodnichestvo: A semantic inquiry* // *Slavic Review*. 1970. Vol.29. №4;

⁴⁰ Foutman D. *Red Prelude. The Life of the Russian Terrorist Zheljabov*. L., 1944; Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia*. N.Y., 1960; Lampert E. *Sons against Fathers*. L., 1965; Pomper Ph. *The Russian revolutionary intelligentsia*. N.Y., 1970.

масс к переменам, болезненность перехода увеличилась, и форсирование социальных изменений привело, в конечном счете, к социальной напряженности, выразившейся в нарастании революционного движения⁴¹.

Среди специально-исторических методов стоит выделить историко-генетический метод, использовавшийся при выявлении предпосылок исследуемого явления и позволяющий проследить причинно-следственные связи в идеях и практике революционеров-народников. Проблемно-хронологический метод позволил провести анализ рассматриваемых событий в хронологической последовательности, путем дробления исследуемой проблемы на ряд узких тем рассматривающихся в хронологической последовательности. Описательно-повествовательный метод позволил проследить динамику развития народнического движения на территории края. Историко-сравнительный метод был использован при определении общего и особенного в существовании народнического движения на территории региона на различных этапах его развития. Метод исторического синтеза позволил обобщить материал и сделать самостоятельные выводы. При недостатке информации использовался метод абстрактно-логического предположения.

Источниковую базу исследования составляют несколько групп источников: 1) делопроизводственная документация; 2) законодательные акты; 3) документы политических партий и организаций; 4) материалы личного происхождения (воспоминания, автобиографии, письма, дневники; 5) публицистика и материалы периодической печати.

В процессе работы над диссертационным исследованием изучены неопубликованные документы и оригиналы некоторых важных изданных документов центральных и местных архивов. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) проанализированы делопроизводственные материалы фондов, напрямую касающихся проявлений народнического движения в крае и имеющих большое значение для исследуемой проблемы в целом. Это ф. 109 «III-е Отделение С.Е.И.В. канцелярии», ф. 102 «Департамента полиции Министерства внутренних дел» и ф. 112 «Особое присутствие Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах». В них содержится богатая информация (требующая дальнейшего изучения): материалы следствий, общие отчеты и данные по конкретным делам и личностям, протоколы допросов.

Архивы местного уровня представлены в первую очередь фондами Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Базовыми здесь являются ф. 583 «Кубанское областное жандармское управление Отдельного корпуса жандармов»: определяющее значение для исследования здесь имеют ежегодные «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по делам о государственных преступлениях», в которых отражалась информация о политической обстановке в вверенной области (некоторая их часть

⁴¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII - начало XX вв.): в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб, 2003. Т. 2. С. 298, 299.

была опубликована). Особый интерес представляют обширные и малоизученные материалы ф. 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска», в котором отложились, кроме прочего, многочисленные рапорты и переписка по ведению негласного полицейского надзора за пребывающими и проживающими в пределах области политически неблагонадежными лицами. Так же при написании использовались документы ф. 584 («Канцелярия помощника начальника Кубанского областного жандармского управления в Черноморской губернии»), ф. 249 («Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска»), ф. 470 («Дирекция народных училищ Кубанской области»), ф. 671 («Кубанская войсковая мужская гимназия Кавказского учебного округа Министерства народного просвещения»), ф. р-1610 («Коллекция документов кубанских краеведов»). Из документов личного происхождения хранящимися в архиве важнейшими являются воспоминания Ф.А. Щербины ф. 764 («Личный архив кубанского историка Щербины Федора Андреевича»), неизданные тома которых служат ценным источником по истории отдельных эпизодов народнического движения на Кубани.

Фонды Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) интересны конкретными делами, относящимися к революционному движению на Кубани. В частности к ним относится ф. 101 «Канцелярия Ставропольского губернатора», содержащий материалы расследований Ставропольского губернского жандармского управления, в зоне ответственности которого до 1880-х гг. находилась и Кубанская область.

Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) представлен ф. 1774-р («Коллекция документов по истории Кубани»), в котором хранится машинописная рукопись историко-биографического очерка Л.А. Половинкина «Народовольческое движение в Ейске (1870-1890)». Отличаясь многочисленными неточностями и опечатками, она интересна тем, что является первой попыткой изложения истории народнического движения в рамках отдельной местности края.

Помимо архивных источников, в работе использованы опубликованные документы, в том числе документы политических организаций рассматриваемого времени. В их ряду важными и весьма содержательными являются сборники материалов, изданные в дореволюционный период и в 20-30-е гг. XX в, содержащие в себе программные документы, переписку и тактические заметки революционного лагеря⁴². Изданный в 1960-е гг. двухтомный сборник документов и материалов «Революционное народничество»⁴³ долгие годы является самым доступным изданием с богатым источниковым наполнением: кроме ставшего стандартным набора документов, здесь приводятся и фрагменты материалов

⁴² Литература социально-революционной партии «Народной Воли». Париж. 1905.; Государственные преступления в России в XIX веке». Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений: в 3-х т. Т. 1. (1825—1876) — СПб., 1906. Т. 1.; Т. 2. Сборник политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России (1877 год); Т. 3. Сборник (Процесс 193-х) / Сост. под ред. Б. Базилевского. С.-Пб., 1906. Архив «Земли и Воли» и «Народной воли». М., 1932.

⁴³ Революционное народничество 70-х годов XIX века (1870-1875 гг.): в 2-х т.: Сборник документов и материалов / Под. ред. Б.С. Итенберга. М., 1964. Т. 1.; Революционное народничество 70-х годов XIX века (1876-1882 гг.): в 2 т.: Сборник документов и материалов/ Под. ред. С.С. Волка. М.-Л., 1965. Т. 2.

следственных дел. Среди новейших изданий, использованных в работе, стоит отметить сборник документов «Революционный радикализм в России: век девятнадцатый»⁴⁴, «Россия под надзором: Отчеты III Отделения 1827 – 1869 гг»⁴⁵ и самое новое издание – «Из истории «Земли и Воли» и «Народной Воли». Споры о тактике»⁴⁶. В последнем для рассматриваемой темы важным является ранее не публиковавшийся и неизвестный краевым исследователям документ – полная версия автобиографии В.Г. Богораза, в которой в красках описана жизнь ейского народовольческого кружка.

Следующей по значимости стоит группа материалов личного происхождения, позволяющих уточнить и детализировать сведения об отдельных событиях народнического движения на Кубани, зачастую, слабо отраженных в других исторических документах. В подобной ситуации данный вид источников оказывается единственным при рассмотрении конкретных эпизодов народнического движения в регионе.

Массив мемуаристики по истории народнического движения сконцентрирован на страницах ряда журналов, выходивших как в дореволюционное, так и в особенности в советское время. К важнейшим и использовавшимся в работе стоит отнести журнал «Былое», «Минувшие годы», «Русское богатство», «Каторга и ссылка», «Пролетарская революция», «Летопись революции» и др. В первые десятилетия советской власти особое место в публикации воспоминаний бывших народников-народовольцев занимало «Общество политкаторжан»: для диссертационной работы, кроме ценнейших материалов журнала «Каторга и ссылка», большое значение имеют три сборника статей и материалов «Народовольцы»⁴⁷, а так же некоторые отдельные издания (часто в виде серьезно дополненных компиляций ранее публиковавшихся статей и заметок). Среди подобных наиболее интересны воспоминания О.В. Аптекмана, М.Р. Попова, А.Н. Баха⁴⁸, которые напрямую касаются эпизодов народнического движения на территории Кубанской области и, зачастую, содержат уникальную информацию: так, лишь благодаря свидетельству О. Аптекмана стало известно о факте существования кубанской группы партии «Земля и Воля» 1870-х гг. Из местной кубанской мемуаристики для рассматриваемой темы особое местно занимают упоминавшиеся выше воспоминания В.В. Скидана «Лев Николаевич Гартман на Кубани»,

⁴⁴ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997.

⁴⁵ Россия под надзором: Отчеты III Отделения 1827 – 1869 гг.: Сборник документов / Сост. М. Сидорова, Е. Щербакова. М., 2006.

⁴⁶ Из истории «Земли и Воли» и «Народной Воли». Споры о тактике: Сборник документов / Отв. Ред. В.Н. Гинев. М.; СПб., 2012.

⁴⁷ Народовольцы после 1-го марта 1881 г. : Сборник статей и материалов, сост. участниками народовольческого движения / Под ред. А.В. Якимовой-Диковской. М.: Изд-во Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928; Народовольцы 80-х и 90-х годов: Сборник статей и материалов, сост. участниками народовольческого движения / Под ред. А.В. Якимовой-Диковской. М.: Изд-во Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929; Народовольцы: Сборник статей и материалов, сост. участниками народовольческого движения / Под ред. А.В. Якимовой-Диковской. М.: Изд-во Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. – 327 с.

⁴⁸ Аптекман О.В. Общество «Земля и Воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. изд. 2-е, доп. Пг., 1924; Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929; Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933.

опубликованные на страницах журнала «Известия общества любителей изучения Кубанского края».

Ценным материалом являются так же автобиографии представителей народнического движения. Некоторые из них были опубликованы в приложениях к 40-му и 41-му томам Энциклопедического словаря Гранат и информация, содержащаяся в них, так же служит важным источником по истории революционного движения в крае. Наиболее значимой для рассматриваемой темы является автобиография А.Ф. Михайлова, из которой краевые историки впервые узнали о народническом поселении под Анапой, а так же автобиографии Г.Н. Добрускиной, П.С. Ивановской, В.Г. Тан-Богораза, М.Ф. Фроленко, М.М. Чернавского, Г.Ф. Чернявской-Бохановской⁴⁹.

Издания актов законодательного характера представлены Полным сводом законов Российской империи (ПСЗРИ); особый интерес здесь представляют документы нормативно-правового характера (указы, положения) высшего руководства, касающиеся условий проживания и пребывания на территории Кубанской области некоренного населения, функционирования службы политического надзора и положения ссыльных на указанной территории.

Из использованных в работе материалов стоит выделить такие провинциальные исторические источники, как «Кубанские войсковые ведомости», «Памятные книжки Кубанской области». Содержащие не только официальную информацию, но и данные о состоянии экономики, социальной, культурной сферы региона рассматриваемого периода, сведения о составе и занятиях жителей, они дают возможность расширить представления о тех условиях, в которых проходила на территории края деятельность народников.

Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении процесса становления народнических организаций на Кубани и Черноморье, их практической деятельности в рассматриваемый период (1860-1890 гг.):

1. На основании анализа архивных и опубликованных материалов выявлена эволюция количественного и качественного состава народнических организаций и групп.

2. Установлено, что пропаганда народнических идей не нашла должного отклика среди населения региона, причиной чему послужила малочисленность оседлого (коренного) крестьянства и аполитичность крестьян-переселенцев, преобладание царистских иллюзий в казачьей среде, находящийся в стадии формирования рабочий класс. Круг участников движения определялась в первую очередь образовательным уровнем, в связи с чем социальную базу народничества на Кубани составила оппозиционно настроенная интеллигенция и учащаяся молодежь, различавшаяся по имущественному и сословному положению.

3. Определена ключевая роль крупнейших учебных заведений области – Кубанской учительской семинарии и Кубанской войсковой гимназии – в распространении народнических идей в регионе и идейном воспитании молодой кубанской интеллигенции. Она выразилась в широком участии учащихся и

⁴⁹ Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. М., 1989.

выпускников в пропагандистской работе в 70-80-х гг. XIX в. на территории края, а так же в организационно-пропагандистской работе в городской и студенческой среде крупных университетских городов (Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Казани), участия в акциях протеста, демонстрациях, материальной помощи движению и террористической борьбе.

4. Установлено, что пик организационного роста кубанского народнического движения приходится на середину 80-х гг. XIX в, что в немалой степени было связано с деятельностью крупного объединения кубанской революционизированной молодежи – «Землячеством донцов и кубанцев», поддерживавшего тесные связи с революционным подпольем в регионе и координировавшего действия крупных иногородних студенческих кружков.

5. Обозначена география распространения народнических организаций и групп на территории Кубанской области и Черноморского округа; на материалах данных о крупных городских (Ейск, Екатеринодар, Майкоп) и сельских (Армавир, Брюховецкая) народовольческих организаций доказана связь активизации революционного движения с притоком в край ссыльной интеллигенции – учителя, врачи, служащие и учащаяся молодежь, среди которой встречались и представители казачества.

6. Исследованы виды и определен масштаб участия ссыльной интеллигенции в общественной жизни региона; декларирование идей прогресса, общинного взаимодействия, служения своему народу увязано с задействованностью последователей народничества в развитии на Кубани и Черноморье здравоохранения (В.А. Будзинский, С.Г. Михалев), просвещения (Л.М. Мельников, В.В. Скидан), научных изысканий (М.А. Дикарев, Ф.А. Щербина), участия в хозяйственном освоении слабообжитых частей региона.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1) Революционная деятельность народников на территории Кубани и Черноморья имела свои, сложившиеся к середине XIX в., предпосылки. Потенциальное бунтарство казачьего населения, крайнее положение и близость к очагам вооруженной борьбы на Кавказе обусловили заинтересованность раннего народничества к этой местности. Но на практике объектом агитации оставалась провинциальная интеллигенция и движение не приняло какие-либо массовые формы.

2) Первые проявления революционного движения в крае в 60-х гг. XIX в. носили фрагментарный характер и характеризовались появлением в крае революционеров-одиночек, связанных с центральными революционными организациями того времени. В случае Н.И. Воронова пропагандистская деятельность строилась на формировании сообществ местной интеллигенции и использовании территории края для распространения нелегальных изданий по всему Кавказу. Пребывание на Кубани участников радикальных революционных организаций конца 60-х гг. XIX в. – «нечаевцев», в отличии от сторонников «Земли и воли» 60-х гг. XIX в., носило кратковременный характер, делая объектами агитации конкретных людей и было связано с возможностью скрыться от надзора властей.

3) Работа в народе революционеров-семидесятников в крае в своей ранней форме проявилась в организации «Бриньковской артели» ставропольских семинаристов. Попытка работы в сельской местности была продиктована влиянием на кубанскую молодежь социально-экономических взглядов революционной демократии 1860-х гг. и не носила революционно-пропагандистского характера, став практическим этапом в становлении взглядов двух ее видных участников – Г.А. Попко и Ф.А. Щербины.

4) Во второй половине 70-х гг. XIX в. на Кубани и Черноморье формируется стойкое революционное подполье и в это время народнические кружки и группы закладывают основу дальнейшего развития революционного движения на последующие десятилетия. Появлению на территории Кубанской области большого числа пропагандистов из других регионов России способствовал ряд факторов: сохранявшаяся малонаселенность, переселенческое движение в пределы области, фактическое отсутствие полицейского надзора и либеральный состав администрации в совокупности с близостью крупных революционных очагов на Юге России.

5) Важным моментом усиления народнической пропаганды на территории области стала революционизирование ученической среды крупнейших учебных заведений края – Кубанской учительской семинарии и Кубанской Войсковой гимназии, выразившаяся в широком распространении нелегальных изданий и организации сообществ (кружков) учащейся молодежи, а так же помощи центральным революционным организациям и самостоятельной пропагандистской работе.

6) В общественно-политическом движении учащейся молодежи второй половины 1870-х гг. кубанское революционное студенчество сыграло заметную роль, организовав и возглавив один из активных кружков Юга России («башенцы»), ядро которого довольно скоро перешло с позиций мирной пропаганды к террористической борьбе.

7) Очагом распространения радикальных идей в области и областной столице продолжала оставаться Кубанская войсковая гимназия, значение которой для формирования и радикализации взглядов кубанской молодежи стало определяющим. Революционная пропаганда быстро вышла за ее пределы, выразившись в организации кружков самообразования и распространения нелегальных изданий, так и в городе. Тесные контакты с кружками Юга России выразились в пропаганде среди рабочих и учащейся молодежи города.

8) К 1880-м гг. на территории Кубани оформились центры концентрации революционного актива. Наряду с Екатеринодаром, крупным центром, вследствие своего географического положения, являлся г. Ейск, революционное подполье которого тяготело и действовало в тесном контакте с ростовскими народофильскими организациями.

9) Опорными пунктами народофильского движения в 80-х гг. стали города и станицы области бурно развивающиеся экономически с наибольшей концентрацией ссыльных и поднадзорных полиции, занимавших зачастую заметное положение в обществе и участвовавших в общественной жизни данной местности.

10) Следствием активной пропагандистской работы в пределах области стала радикализация взглядов кубанской учащейся молодежи и ее широкого включения в революционную общественную студенческую жизнь крупных университетских городов.

11) Народническое движение отразилось в истории края не только в виде революционной активности, несущей разрушительное начало, но и в лице людей, внесших значительный вклад в различные сферы жизни региона, в немалой степени способствовавших культурному и социальному развитию Кубанской области.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что проведенная комплексная проработка темы исследования позволяет составить более объективную картину понимания состояния и эволюции и народнического движения на территории края и его влияния на общественно-культурную жизнь региона. Выводы и положения диссертационного исследования дополняют и развивают научные представления ученых, занимающихся историей общественного движения в России и региональной историей.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его положения, выводы и материалы могут быть использованы при написании конкретных и обобщающих работ по истории Северокавказского региона и истории Кубани в частности. Результаты исследования могут быть применены в учебно-педагогической практике высших, среднеспециальных учебных заведений, школ; при разработке учебных пособий, программ; при внесении дополнений и подготовке учебников, очерков и пособий по истории Кубани.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Исследование выполнено в рамках специальности 07.00.02 – Отечественная история. Область исследования – п.7 История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности, п.9 История общественной мысли и общественных движений.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 8 публикациях автора общим объемом 4,95 п.л., в том числе в четырех изданиях из перечня, утвержденного ВАК. Отдельные положения диссертационного исследования отражены в виде доклада на 18-й межрегиональной научно-практической конференции «Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа».

Структура диссертации. Предмет, цели и задачи исследования определили структуру работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект и предмет изучения, хронологические и территориальные рамки исследования, раскрыта степень изученности темы, сформулированы цель и задачи, дана характеристика методологической и источниковой базы, раскрыта новизна и практическая значимость диссертационной работы.

Первая глава **«Раннее народничество 1860-х гг. и Кубань»** рассматривает первые шаги народничества 60-х гг. XIX в. на территории региона и состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Кубань и Кавказ в общественно-политических взглядах народников 50-60-х гг. XIX в.»** на основании анализа литературных, публицистических сочинений, а так же программных документов, делается попытка определить отношение идеологов раннего народничества к кавказскому региону и перспективах революционной деятельности в данной части страны. В этом контексте выделяется и ряд особенностей Кубани как региона, привлекательного для развития революционно-пропагандистской деятельности.

Первой особенностью автор выделяет специфичность населения Кубани. Территория Кубанской области, включившая в 1860 г. в себя земли бывшего Черноморского и Линейного казачьих войск, входила в число местностей с преобладающим казачьим населением, которое всегда привлекало к себе особое внимание идеологов революционного движения в России. В их глазах казачество обладало уникальными социальными качествами: «природным» демократизмом, инициативностью, свободолюбием, а так же связанным с ним бунтарским духом и антигосударственными началами, которые, сочетались с особым чувством «общей земли» - Отчизны.

Но если эмигрантский центр повсеместно идеализировал казачество, то их единомышленники в России, группировавшиеся вокруг журнала «Современник», не отрицая некоторых преимуществ казачьего населения Империи для развития революционного движения, критически смотрели на его современное состояние. Показательной явилась рецензия Н.А. Добролюбова на работу известного кубанского историка-краеведа И.Д. Попко «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», в которой автор вскрывал многие моменты жизни казаков, которые часто не учитывали народники-эмигранты: начавшееся разложение традиционной общины с резким выделением и обособлением из казачьей среды казачьей старшины-«панства», рост противоречий в хозяйственной деятельности богатых казаков и беднейшей его части, а так же все возрастающий процент в составе казачьих войск при их укрупнении неказачьего компонента. Это приводило к потере традиционного вольнолюбивого духа, сплоченности и других, важных для революционного движения, особенностей казачества.

Второй выделяемой особенностью является окраинное положение Кубанской области, что играло определенную роль на всех этапах развития здесь освободительного движения. Удаленность от крупных городов, недостаточный полицейский контроль, малонаселенность делали этот регион привлекательным для противоправительственной пропаганды и возможности скрыться от преследования властей. Затяжная Кавказская война предоставляла возможность расширить спектр охвата определенных групп населения, добавив туда и горцев, вооружена борьба которых вызывала восхищение у многих народников. Осуждая кровопролитие как бесполезное, революционный лагерь замечал, что только гуманными мерами основанными на взаимоуважении можно добиться мира в регионе, соглашаясь с правом горцев на самозащиту.

Третьей выделяемой особенностью являлось наличие в регионе большого числа армейских соединений, на которую по замыслу эмигрантского революционного центра должна была быть нацелена пропаганда в первую очередь. После Крымской войны на страницах их изданий все чаще стали появляться статьи, обращенные к теме участия армии в освободительном движении в России, в которых звучала вера в нравственную эволюцию войска и частям, стоящим на окраинах, в планах идеологов народничества отводилось главное место. Уверенные в том, что грядущая революция будет идти от периферии к центру, они ставили Кавказ и Черноморье в ряд опорных регионов, откуда начнется поход на самодержавие. В своих записках А. И. Герцен и Н.П. Огарев подчеркивали, что Кавказ является центром иррегулярного (казачьего) войска и указывали на важность образования здесь в армейской среде тайных обществ, объединявших офицеров и солдатё. Южный фронт будущего восстания должен был поддержать выступления в других областях России и моральному состоянию здесь революционерами уделялось большое внимание.

Во втором параграфе **«Пропагандистские кампании революционных народнических организаций на территории Кубани в 60-е гг. XIX в.»** показано, что несмотря на общую идеализацию и преувеличение революционности казачества того времени, в отношении его в пределах будущей Кубанской области народники могли найти некоторые подтверждения своих воззрений. Одним из примеров борьбы с социальным подтекстом служило движения вольного казачества – «гайдамачества», основу которого составляло рядовое казачество, а так же беглые крепостные, черкесы и др. Их «разбойничьи», по определению, действия были направлены на хозяйства зажиточных казаков и казачьей старшины, что было в духе представлений идеологов народничества о разбойнике, как о «настоящем и единственном революционере» в России.

Другие специфические особенности Кубани (окраинное положение, наличие армейских частей как объекта агитации, Кавказская война) напрямую отразились на ярком эпизоде истории революционного движения 60-х гг. XIX в. на Кубани – деятельности педагога-демократа Н.И. Воронова. С его именем связано появление в стенах Кубанской войсковой гимназии г. Екатеринодара полулегального учительского кружка, ставшего первой ласточкой в идейном просвещении кубанской интеллигенции. Прямым следствием деятельности кружка стало расследование в отношении учителя С.Д. Демченко, обвиненного в хранении запрещенной литературы и связях с тайными организациями. Преследования властей заставили Н.И. Воронова перейти к более активным действиям: он сотрудничает с передовыми журналами того времени – заграничным «Колоколом» и петербургским «Русским словом», в которых публикует свои зарисовки тяжелого быта казаков и произвола властей на Кавказе, а так же обстановку на Черноморской береговой линии и возможные пути доставки нелегальной литературы на Кавказ через черноморские порты.

В начале 1862 г. Николай Воронов отправляется в Европу, где в Лондоне встречается с А. Герценом, Н. Огаревым и М. Бакуниным. Найдя особую заинтересованность у Бакунина, он указал ряд способов доставки изданий «Вольной русской типографии» на Кавказ, в частности на Черноморскую

береговую линию, где ее предполагалось распространять среди офицеров и солдат расквартированных войск. Для этих целей Н. Воронов предлагал воспользоваться помощью горцев, а так же контрабандистов, имевших способы беспрепятственной ее доставки в свои аулы и гарнизоны Черноморья, в которых запрещенные издания хранились еще долгое время. Весной того же года с грузом нелегальной литературы он вернулся в Россию и встретившись с агентами организации «Земля и Воля» в Петербурге, направился на Юг России: посетив среди прочих городов Северного Кавказа и Екатеринодар, по пути распространяя доставленные из-за границы листы «Колокола». Но его арест осенью 1862 г. по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» не позволил более широко развить пропагандистскую деятельность, прервав процесс складывания революционных объединений в крае.

Как один из примеров революционной активности народников-«шестидесятников» рассматривается эпизод появления на территории Кубанской области представителей радикальной революционной организации С.Г. Нечаева – В.Ф. Орлова и Ф.В. Волховского. Основное внимание сосредоточено на личности В.Ф. Орлова – близкого друга и соратника Нечаева, скрывшегося от жандармской слежки и обнаружившего себя летом 1869 г. на территории Кубани. В параграфе, по сравнению с предыдущими исследованиями, конкретизированы сроки и место жительства Орлова – станица Варениковской Адагумского полка Кубанского казачьего войска, в которой он скрывался с конца весны – начала лета 1869 г. у своего товарища по семинарии А.Г. Виноградова. Также высказывается предположение, что появление Орлова в Кубанской области было связано с задачей сплотить и расширить революционный лагерь, и с этой целью по заданию С.Г. Нечаева он должен был обратить особое внимание на Юг России: в дальнейшем им планировалось распространить революционную пропаганду на Екатеринодар и, возможно, на близлежащий портовый город Темрюк. Быстрый арест Орлова не позволил ему осуществить намеченное предприятие и пресек дальнейшее распространение идей С.Г. Нечаева на Северном Кавказе и образования здесь провинциального кружка партии «Народной расправы».

С надеждой найти в провинции опору в деле продолжения революционной работы и возможностью личной оценки потенциала южной части страны для дальнейшей противоправительственной деятельности, Кубани в июле 1871 г. появился и другой деятельный участник нечаевского кружка – Ф.В. Волховский, проживавший в станице Барсуковской Баталпашинского отдела. Его недолгая остановка на Кубани (чуть более полумесяца) стала периодом обдумывания дальнейших действий и включения с новой силой в революционно-пропагандистскую деятельность на Юге России.

Вторая глава исследования «**Народничество 70-х гг. XIX в. и Кубань**», следуя хронологическому принципу, рассматривает следующий этап развития народнического движения на территории Кубанской области – деятельность народников-«семидесятников» и состоит из четырех параграфов. В первый параграфе «**Народническая артель станицы Бриньковской**» в контексте общих настроений передовой молодежи конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. и движения «в народ», рассматривается процесс складывания в стенах Кавказской духовной

семинарии земляческого кружка учащихся-кубанцев и связанный с ним эпизод появления в станице Бриньковской Ейского уезда Кубанской области в начале 70-х гг. XIX в. сельскохозяйственной артели. Используя опубликованные и неопубликованные воспоминания Ф.А. Щербины, исследуется процесс идейного становления семинаристов, моменты хозяйственной деятельности и влияние ассоциации на окружающее население. Если первый опыт «народной» работы в ремесленном деле воодушевил семинаристов и сподвиг, под влиянием популярных экономических идей, организовать сельскохозяйственную кооперацию у себя на родине, то опыт работы и жизни в среде кубанского казачества показал всю призрачность их планов о быстром переустройстве сложившейся традиционной модели производства в кубанских станицах. Агитация, столь характерная для народников 70-х гг. XIX в., среди станичников ими не проводилась вовсе, а круг общения ограничивался представителями немногочисленной местной интеллигенции и духовенства, индифферентно относившейся к новым идеям бывших семинаристов. Когда экономически артель стала себя исчерпывать, лидеры кружка – Ф.А. Щербина и Г.А. Попко под предлогом обучения сельскохозяйственным наукам, покинули ассоциацию, которая вскоре автоматически распалась, показав на опыте ее участникам все трудности работы «в народе», став важным этапом в становлении и дальнейшей радикализации их взглядов.

Второй параграф **«Отклики на «хождение в народ» и деятельность организации «Земля и Воля» на Кубани»** охватывает этап проникновения на территорию Кубанской области народнической пропаганды во второй половине 70-х гг. XIX в. – от «летучей» пропаганды народников-«семидесятников» до организации поселений революционерами-землеольцами и раскола «Земли и Воли». Выделяется ряд условий, способствовавшей развитию на Кубани пропагандистской деятельности революционеров-семидесятников. Это приток в Кубанскую область крестьян-переселенцев, менявший сословную структуру и социальный состав кубанских станиц, связанный с изданием указов и положений, отменявших сословные запреты на проживание и владение собственностью в кубанских городах и станицах. Широкое переселенческое движение крестьян – традиционного объекта народнической агитации, в данном случае служило хорошим прикрытием для пропагандистов, часто проникавших в казачью область под видом ремесленников или поденных работников. Рост населения и экономическое развитие края способствовали обращению на него внимания революционного лагеря как на полигон для пропагандистско-революционной деятельности как в среде коренного населения, так и среди оседлых лиц невойскового сословия и сезонных рабочих.

Другим благоприятным условием являлось слабое противодействие со стороны органов полиции региона, на что непосредственно влияло отсутствие собственного жандармского управления и общая неразвитость местной полицейской службы. Определенную роль здесь играл достаточно либеральный состав административного аппарата области и в особенности личность Наказного атамана Кубанского казачьего войска Н.Н. Кармалина – в прошлом участника нелегальных петербургских кружков 40-х гг. XIX в.

Кубанская область входила в зону действия харьковско-ростовской группы, а г. Ростов-на-Дону служил перевалочным пунктом, где идущие «в народ» революционеры из центра получали необходимые инструкции. Ейский уезд (отдел) Кубанской области вследствие своей географической близости становился основным районом их деятельности, но вместе с тем отдельные пропагандисты перемещались по всей области и вели пропаганду даже в г. Екатеринодаре. Ярким эпизодом стало «хождение в народ» на Кубани видного революционера – народника, члена ростовского кружка Л.Н. Гартмана: в параграфе, на основе его воспоминаний и воспоминаний В.В. Скидана, более подробно рассматривается эпизод ареста, пребывания в екатеринодарской тюрьме, а так же акцентируется внимание на моменте заключения и попытки освобождения членами ростовской группы из той же тюрьмы народника Н.П. Быковцева.

Кроме ростовского кружка, интерес к пропаганде на Кубани проявляли и участники кружков из крупных городов юга и Центральной России: на Кубани побывал представитель киевских народников С. Чубарова, членами студенческих кружков Москвы и Петербурга под г. Анапой была организовано народническое поселение (колония), через которое прошли многие известные в последствии народники. В станице Бекешевской Баталпашинского уезда одновременно вели пропаганду студенты из Москвы, Ставрополя, Одессы. На момент раскола партии «Земля и Воля» на Кубани существовало и землевольческое поселение, связанное с единомышленниками на Северном Кавказе и проводившее пропаганду в среде кубанского казачества. С середины 1870-х гг. активную деятельность в Кубанской области развивают и некоторые пропагандисты-одиночки, которые руководствуясь установками партии «Земля и Воля», поселялись в среде коренных жителей и стремились влиять на общественную жизнь в своей местности. На это же время приходится пик распространения нелегальных изданий (книг, брошюр и пр.) и деятельность народников обращает на себя внимание правительственных чиновников, что послужило веским доводом для организации здесь в 1880 г. собственного жандармского управления.

В третий параграф **«Народническая пропаганда в образовательных учреждениях Кубанской области»** рассматривается положение учащейся молодежи Кубанской области и его участие в деятельности народников-семидесятников. На Кубани народническое движение нашло отклик в двух крупнейших учебных заведениях региона – Кубанской войсковой гимназии и Кубанской учительской семинарии. Гимназия, несмотря на появление в ней в 60-х гг. XIX в. преподавательского кружка, до середины 1870-х гг. вследствие специфических причин, оставалась оторванной от общественной жизни молодежи того времени. Инициативу взяли члены ростовского народнического кружка Л. Гартман и В. Осинский, организовавшие в ее стенах ученический кружок и снабдившие его литературой. Гимназисты (обучавшиеся в те годы в г. Ейске) имели тесные контакты с революционерами-ростовчанами, а так же с молодежью города, сохранив традицию кружковой работы и после переезда в войсковую столицу, все больше обращая на себя внимание начальства.

Кубанская учительская семинария, в отличие от гимназии, являлась важным учебным заведением для всего Северокавказского региона: под руководством

талантливого педагога Д.Д. Семенова она стала в своем роде передовым учебным заведением Юга России. Демократические традиции образования, привитые Д. Семеновым и подобранными им педагогами, стали определяющим фактором для формирования мировоззрения молодых семинаристов. Вместе с неодобрительными отзывами с мест о благонадежности ее выпускников, окончательно это подтвердило дело о пропаганде в Кубанской области, в котором было замешан большой процент учителей – выпускников семинарии. Особую известность в пределах Кубанской области пропагандистская работа бывших семинаристов получило в связи с «делом Юшко» – учителя станицы Петровской, через связи которого стало вскрываться широкое революционное подполье молодой кубанской интеллигенции. По делу К.Е. Юшко, обвиняемого в «сообщении другим преступных мыслей о необходимости изменения существующего государственного порядка», были привлечены в 1879-1881 гг. так же другие выпускники Кубанской учительской семинарии. Громкие скандалы и неодобрение властей привели к уходу с поста директора Д.Д. Семенова и искоренение демократических основ в преподавании.

В четвертом параграфе **«Участие кубанцев в народническом движении Юга России второй половины 70-х гг. XIX в** рассматривается складывание и деятельность кружка «башенцев» г. Одессы, руководящую и организаторскую роль в котором играли студенты-кубанцы Новороссийского университета, участие уроженцев Кубани в революционной жизни Одессы, Киева, а так же их участие в деятельности «Южного исполнительного Комитета» партии «Земля и Воля».

Основное внимание сосредоточено на биографиях трех революционеров-народников кубанского происхождения – Г.А. Попко, Ф.А. Щербины и И.Ф. Волошенко. Сложившийся в стенах Петровской сельскохозяйственной академии земляческий кружок студентов-кубанцев, костяк которого составили бывшие участники «Бриньковской артели», в середине 70-х гг. XIX в. стал ядром одесского кружка «башенцев», имевшего общую пропагандистскую направленность. Кружок объединял молодежь разных социальных групп и революционных концепций, уставом кружка предусматривалась пропагандистская работа «в народе», кроме того он служил местом дискуссий представителей различных течений в народничестве, став заметным явлением в общественно-политической жизни города.

Лидеры кружка – Г. Попко и Ф. Щербина, наладили контакты с первой рабочей организацией – «Южнороссийским рабочим союзом» Е. Заславского. Но несмотря на тесное взаимодействие, «башенцы» не приняли тактические установки «Союза», оставаясь на народнических позициях и используя сотрудничество с организацией Е. Заславского в своих пропагандистских целях. После раскрытия «Южнороссийского союза», Ф.А. Щербина подвергся аресту, но путем продуманного поведения на следствии смог избежать каторжных работ и был выслан из Одессы. Нараставшая радикализация движения заставила избежавшего ареста Г.А. Попко (продолжившего кружковую работу), а так же сблизившегося с ним И. Волошенко и некоторых «башенцев», к 1877 г. перейти на позиции вооруженной борьбы с правительством, войдя в состав группы В. Осинского - Д. Лизогуба, принявшей название «Южного исполнительного

Комитета» партии «Земля и Воля». В составе группы кубанцы участвовали в подготовке покушения на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, подготовке побега арестованного студента В.Ф. Кюстрина и распространении нелегальных изданий в Одессе. И если И. Волошенко сосредоточился на агитационной работе, то Г. Попко, стал исполнителем убийства жандармского адъютанта - следователя барон Г.Э. Гейкинга.

Представлявший другое направление в народническом движении того времени киевский кружок «черноморцев» стоял на украинофильских позициях, оставил о себе скудные данные и остался практически неизвестен для истории народничества. При руководящей роли студентов-кубанцев, которые на каникулах вели пропаганду своих идей на родине, на их квартире проходили собрания и читалась запрещенная литература. После арестов 1878-79 гг. народники-кубанцы были подвергнуты различным наказаниям и их активная деятельность была пресечена.

Третья глава исследования **«Кубань и Черноморье в истории народнического движения 80-90-х гг. XIX в.»** посвящена истории деятельности народовольческих организаций и объединений 80-начала 90-х гг. XIX в. на территории Кубани и за ее пределами (в студенческих революционных организациях крупных городов Российской империи) и включает в себя пять параграфов.

В первом параграфе **«Кубанская войсковая гимназия и народническая пропаганда в г. Екатеринодаре»** затрагивается общее положение кубанского общества к началу 80-х гг. XIX в. в годы второй революционной ситуации в России: обострение революционной борьбы стало причиной организации на Кубани собственного жандармского управления, мощная пропагандистская компания партии «Народная Воля» затронула не только имевшие традиционный отклик слои общества – интеллигенцию и учащуюся молодежь, но и (в меньшей степени) консервативное казачество.

Кубанская столица в 1880-х гг. находилась под влиянием революционных идей, что выразилось в увеличении среди ее жителей числа ссыльных и народовольцев-пропагандистов. Оплотом революционного народничества в городе оставалась Кубанская войсковая гимназия, ставшая политической школой для большого числа известных кубанцев – участников освободительного движения 80-х гг. XIX в., вокруг которой группировалась радикально настроенная молодежь города и политические ссыльные.

Особый импульс развитию пропаганды в ее стенах придало появление в Екатеринодаре учителя-народовольца И.И. Концевича, под влиянием которого среди воспитанников оформился полноценный кружок самообразования, объединявший учащихся разных социальной и сословной принадлежности. Деятельность кружка не ограничивалась областным центром и распространялась на молодежь некоторых городов Кубанской области, имевших постоянные контакты с И.И. Концевичем. После его ареста члены кружка самообразования включились в деятельность «социалистической слесарной мастерской», организованной ростовскими народовольцами, деятельность которой была направлена на привлечение к движению, среди прочих социальных слоев, еще и

рабочих. Под руководством бывшего гимназиста и опытного пропагандиста Т.М. Романченко слесарная мастерская, действуя в общем русле работы ростовских народовольцев, развила успешную агитационную работу, пресеченную властями. Но, несмотря на аресты и меры, предпринимаемые руководством учебного заведения, революционный заряд гимназии продолжал сохраняться, выражаясь в политически неблагонадежных делах ее учащихся, что стало основной причиной закрытия гимназии.

Во втором параграфе «**Город Ейск в истории русского народничества**» рассматриваются деятельность народнических кружковых образований на территории г. Ейска Кубанской области, с которым так или иначе было связано большинство революционных народников, действовавших на Кубани и в Черноморье в 1870 – 1890-х гг.. Отмечается, что кроме наличия к началу 80-х гг. XIX в. в самом городе значительного числа народовольческого актива, большую роль для развития революционного движения в Ейске играла близость крупного центра революционной пропаганды – города Ростова-на-Дону, а также города Таганрога, породившая тесные связи ейского подполья и революционеров ростовской народовольческой группы. С начала 1880-х гг. число поднадзорных полиции в Ейске значительно увеличивается и в большей степени именно они формируют «революционное лицо» города – масштабная контрреволюционная компания правительства затронула как коренных ейчан, так и высланных из других регионов революционеров. Кроме увеличения числа поднадзорных, опасение властей вызывала и учащаяся молодежь, прибывавшая в Ейск и окрестные станицы на время каникул. На этом фоне стало возможным появление объединения людей сочувствующих революционно-освободительному движению – городская революционно-народническая группа оформилась в первой половине 80-х гг. XIX в., включив себя как местный актив, так и приезжих.

Среди эпизодов особо выделяются связи ейского кружка с ростовскими народовольческими организациями, выразившиеся в участие ейчан в попытках восстановления народнической организации Г. Лопатиным, Б. Оржихом и совместной деятельности народнических кружков переходного периода в рабочей среде. Среди личностей, особое место уделено революционной деятельностью в Ейске Л. Колегаева, В. Богораза, А. Хачумова.

В третьем параграфе «**Народнические кружки и группы Кубани и Черноморья 1880-90-х гг.**» рассматриваются народнические объединения городов и станиц Кубанской области, имевших контакты с различными революционными организациями означенного периода. Среди характерных особенностей, отмечается влияние на развитие революционного движения в пределах области ссыльных, находящихся под надзором полиции и сознательно поселившиеся в провинции, а так же учащейся молодежи, приносящей радикальные идеи на родину и поддерживавшей связи с крупными студенческими кружками.

Среди рассматриваемых, наиболее крупными кружками являлись кружки г. Темрюка, состоявший преимущественно из учащейся молодежи и поддерживавший тесную связь с гимназическим кружком г. Екатеринодара, а так же разночинский кружок г. Майкопа. Майкопский кружок состоял из местной

ссылкой интеллигенции, представленной в лице учителей, врачей, существенно повлиявшей на культурную и общественную жизнь города. Отмечается особая роль Ростовско-Владикавказской железной дороги в деле проникновения в край народнической пропаганды: при непосредственном участии ростовских народовольцев сложилась народовольческая группа с. Армавир, организовавшая с целью финансирования революционных нужд крахмальный завод. Более мелкие кружки состояли как из ссыльных (имение Хуторок), так и из местного кубанского актива (ст. Брюховецкая). Подобные кружковые объединения способствовали консолидации оппозиционно настроенной интеллигенции, становлению ее взглядов и формированию политически активной части провинциального общества.

В четвертом параграфе **«Учащаяся молодежь Кубани в народническом движении за пределами области»** рассматривается деятельность кубанских студентов в нелегальных организациях учащейся молодежи высших учебных заведений различных городов Российской империи. Отмечается, что к середине 80-х гг. XIX в. студенты-кубанцы активно включаются в революционное движение таких крупных университетских городов, как Москва, Петербург, Киев, Харьков, Казань. Этому способствовали крепкие земляческие традиции, основанные на том, что практически все студенты были выпускниками Кубанской войсковой гимназии, а так же активная пропагандистская работа в г. Екатеринодаре и существование гимназического кружка самообразования. В результате студенты с легкостью обменивались информацией и поддерживали тесные связи как между собой, так и с единомышленниками на Кубани. В Петербурге студенты-южане вошли в университетскую организацию «Землячество донцов и кубанцев», шедшую в авангарде протестного движения учащейся молодежи столицы; кроме того, кубанцы заняли главенствующее положение в местной народовольческой группе Харькова: лидеры этих организаций – братья Хлебниковы, В.П. Бражников и другие, также поддерживали связи с земляками-студентами Москвы, Киева и Казани. Большой авторитет и особую объединяющую роль имел В.П. Бражников, кроме прочего контактировавший с революционным подпольем Екатеринодара и кубанскими провинциальными кружками.

Особое внимание в параграфе обращается на примеры совместной работы кубанцев с южнороссийскими народовольцами второй половины 80-х гг. XIX в. в их попытках возрождения единой революционной организации, а так же на участие студентов-южан в «Деле Второго 1-го марта» - попытке покушения на императора Александра III. В данном ракурсе наибольший интерес представляют личности непосредственных участников предприятия (П.И. Андреюшкин, Н.А. Рудевич) и то влияние, которое оказала неудача петербургских террористов на развитие революционного движения на Кубани.

В пятом параграфе **«Русское народничество в общественно-культурной жизни Кубани и Черноморья»** рассматривается культурная и общественная деятельность бывших участников народнического движения на территории Кубани. В рамках общего повествования рассматриваются биографии наиболее выдающихся личностей в истории Кубани, имевших «крамольное» прошлое. В

параграфе подчеркивается, что причиной широкого привлечения ссыльных стали неразвитость местной интеллигенции и нехватка квалифицированных кадров для различных отраслей общественной жизни края. Рассматриваются влияние бывших революционеров-народников на развитие здесь образования, здравоохранения, науки и журналистики. При этом отмечается, что политические взгляды их приобретали либо ярко выраженный либерально-охранительный оттенок, либо оставались радикальными, что сказалось на участии некоторых в революционных событиях начала XX в. в России.

Кроме того, в параграфе рассматриваются моменты посещения территории края во второй половине XIX – начале XX вв. литераторов, тесно сотрудничавших с участниками освободительного движения в России и зачастую лично принимавших в нем участие. Территорией их проживания в большинстве случаев стало Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа, где многие из них приняли участие в хозяйственном освоении и активно влияли на культурную жизнь региона, поддерживая контакты с местной прогрессивной интеллигенцией. Пребывание в регионе прогрессивных литераторов обогатило местную культурную жизнь, а полученные впечатления от общения с местными жителями и природой стали благодатной почвой для создания новых литературных произведений, отражавших социальные, культурные и географические особенности региона. С Черноморьем связана история появления земледельческих колоний народнического типа эпохи «малых дел». Главное внимание уделено крупнейшей из них – поселению Криница, его хозяйственному и культурному влиянию на окружение, а так же оказываемой криничанами помощи новым поселениям. Отмечается, что лидеры колонии, ставшей образцовой в своем роде, прошли революционную школу 70-х гг. XIX и к середине следующего десятилетия, на фоне упадка народнической идеологии, перешли на либеральные позиции. Отказавшись от политической борьбы, криничане сконцентрировались на хозяйственной и воспитательной деятельности, проводя в жизнь прежние народнические идеалистические взгляды. Для окраинной и слабообжитой территории Черноморского округа появление целой группы земледельческих общин подобного рода стало заметным явлением, в немалой степени способствовавшим хозяйственному освоению и развитию на его территории культурной сферы.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы общие выводы.

Народническое движение на Кубани, пройдя в своем развитии несколько этапов, проведя в 60-80-х гг. XIX в. на территории края ряд пропагандистских компаний и мобилизовав на борьбу самодержавием наиболее восприимчивую часть населения региона, не смогло найти здесь широкой социальной опоры. Идеализм первых десятилетий привел к разочарованию и запустил процесс формирования кружковых образований, сделавших своей опорой местную интеллигенцию, ссыльных и учащуюся молодежь; одним из следствий этой разочарованности стало участие кубанской молодежи в террористических народнических группах.

Однако, деятельность революционеров на разночинском этапе освободительного движения на Кубани нельзя назвать бесполезной: одним из последствий работы народников в рамках Кубанской области способствовала революционизированию широких масс населения (в первую очередь в городах) и втягиванию наиболее активной части в общественную и политическую жизнь региона и страны. Таким образом, народническая эпоха является важным этапом в формировании общественно-политического и социально-культурного облика Кубани и сыграла важную роль в развитии общества, как в общегосударственном масштабе, так и в рамках Северо-Кавказского региона, одной из частей которого являлась Кубанская область.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в периодических изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Мелехин, В.В. Кубань в судьбе революционера-народника А.М. Богомольца [текст] / В.В. Мелехин // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2012. – № 12. – С. 324-326. (0, 31 п.л.).

2. Мелехин, В.В. К вопросу о пребывании в Кубанской области «нечаевца» В.Ф. Орлова [текст] / В.В. Мелехин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 2 (28). – Ч. 2. – С. 109-111. (0,33 п.л.).

3. Мелехин, В.В. Кубанский народоволец Пахомий Иванович Андриюшкин [текст] / В.В. Мелехин // Вопросы истории. – 2013. – № 3. – С. 130-144. (1,42 п.л.).

4. Мелехин, В.В. Региональные особенности распространения народнических идей в Кубанской области и Черноморском округе (60-80-е гг. XIX в.) [текст] / В.В. Мелехин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 11 (49). – Ч. 1. – С. 133-135. (0, 4 п.л.)

Публикации в иных изданиях:

5. Мелехин, В.В. Писатели народнического направления в истории в истории Кубани и Черноморья (вторая половина XIX – начало XX вв.) [текст] / В.В. Мелехин // Голос минувшего: кубанский исторический журнал. – Краснодар, 2010. – № 3-4. – С. 82-91. (0,64 п.л.).

6. Мелехин, В.В. Писатели народнического направления в истории Кубани и Черноморья второй половины XIX – начала XX в.: к постановке проблемы [текст] / В.В. Мелехин // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа: материалы 18-й межрегиональной научно-практической конференции. – Армавир, 2011. – С. 76-77. (0,07 п.л.).

7. Мелехин, В.В. Город Ейск в истории русского народничества 1870 – 1880-х гг. [текст] / В.В. Мелехин // Вестник Московского Государственного Открытого университета. – 2011. – № 4 (46). – С. 37-46. (1,01 п.л.).

8. Мелехин, В.В. Кубанская войсковая мужская гимназия в истории революционно-народнического движения Российской Империи второй половины XIX в. [текст] / В.В. Мелехин // Голос минувшего: кубанский исторический журнал. – Краснодар, 2012. – № 3-4. (1,17 п.л.).

